
А л е к с а н д р Ш и п к о в

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ,
ЛИБЕРАЛИЗМ
И НЕОНАЦИЗМ

в пространстве актуальной политики

Александр Владимирович Щипков

Традиционализм, либерализм

и неонацизм в пространстве

актуальной политики

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11973678

*Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики. / Щипков А. В.: Алетеия; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9905927-1-1*

Аннотация

Борьба за историю, переписывание истории, «нормализация» истории – тренд последних лет, активно меняющий состояние общественно-политического пространства. Одна из важных болевых точек, которых приходится сегодня касаться в рамках новых оценок исторических концепций и актуальной политики – это тема фашизма и неофашизма. Ещё недавно феномен фашизма считался предметом только лишь исторических штудий. Но мировые события десятых годов XXI века дают понять, что предмет разговора отнюдь не превратился в исторический реликт. Мифология неофашистов, а также формы и методы их действия в чём-то остаются прежними, а в чём-то заметно меняются. Анализу неофашизма как современного явления посвящена эта книга.

Содержание

Часть 1	6
Смысловая эволюция современного неолиберализма	6
Этническое в современной политике: опасности неонацизма	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Шипков Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор *М.М. Мchedлова*,
(факультет гуманитарных и социальных наук РУДН)

доктор политических наук, профессор *С. Ф. Черняховский*
(Европейский институт JUSTO)

Shchipkov A.

Traditionalism, Liberalism and Neo-Nazism in the
Realpolitik context. – Saint-Petersburg: Aletheia, 2015. – 80 p.

Fighting for history, the rewriting and “normalization” of history are trends that have been actively transforming the social and political context in recent years. One of the most significant sore points, which has to be touched upon within the framework of the new evaluation of historical relations and the current politics, is the phenomenon of Fascism and Neo Fascism. Until recently it seemed to be nothing more than a subject of historical

studies, but the events of the of the 2010s make it clear that the issue has by no means turned into a relic. In some respects the mythology of Neo-Fascists, their methods and practices stay the same, while in others there are noticeable changes. The book is dedicated to analysis of Neo-Fascism as a contemporary phenomenon.

Часть 1

Смысловая эволюция современного неолиберализма

Ситуация начала XXI века показывает, что мы имеем дело с окончательным отказом от моральных критериев в мировой политике. На внешнем, пропагандистском уровне этот процесс прикрывается неолиберальной риторикой с её мессианскими тезисами об «устойчивом развитии», «вызовах времени» и «правильной и неправильной сторонах истории». В какой-то мере претензия на глобальность исторических и политических задач делает неолиберализм похожим на марксизм-ленинизм. Правда, вместо доктрины исторического материализма используется протестантский фундаментализм в его специфической геополитической версии. Беглое представление об этой теории дают основные положения диспенсационализма – доктрины, весьма популярной среди американских элит.

Есть ещё одна общая черта, которая роднит марксизм-ленинизм и неолиберализм. Последний, как и первый, существует в двух формах: как экономическая теория и как философская конструкция. Причём первая приносится в жерт-

ву второй. Так, реальная «рыночная экономика» в рамках неолиберализма является фикцией и пустым лозунгом, поскольку на практике экономика предельно монополизирована. Зато монополизированная глобальная экономика порождает «рыночное общество», основанное на ценностях статусного потребления и товарного фетишизма.

И это, конечно, кардинально отличает неолиберальную доктрину от коммунистической. Отличает её и глобальное экономическое неравенство, основанное на мировом разделении труда. Неолиберальный мир поделён на зоны «золотого миллиарда» (центра) и его экономических колоний (периферии). При этом происходит постоянный отток капитала с окраин в центр (современный вид дани). Например, так: товары дёшево производятся в странах третьего мира, но продаются на дорогих рынках Запада, при этом прибылью с производителем никто не делится. Кроме того, финансовая система и финансовые ресурсы периферийных стран полностью привязаны к аналогичным институтам стран «центра».

Ещё больше отличий неолиберализма от коммунизма можно найти в области информации и пропаганды. Информационный прессинг диспетчеров неолиберального миропорядка грубее и запугивающее авторитарной коммунистической идеологии. Публицист Фёдор Лукьянов в связи с этим так характеризует инцидент с малайзийским «Боингом», сбитым над Украиной в 2014 году: «К сожалению, международная информационная среда так устроена, что до-

казательств-то и не нужно. Посмотрите, доказательств нет, вопросов много, а мир в основном полагает, что самолёт сбили повстанцы. Это уже практически аксиома. Версию об ответственности Украины почти никто, кроме России, и не рассматривает. Цинично говоря: а зачем доказательства, если и так нормально? Надо учитывать, что медиа – это очень мощное оружие. Причём это сфера, в которой западная гегемония по-прежнему сохраняется, хотя она слабеет в других областях – экономике, политике» [34].

В распоряжении советских идеологов была пусть и классовая, но всё же мораль. У современных либералов нет иной морали кроме самой архаичной античной идеи противостояния «цивилизации и варварства». Но если, например, у древних римлян субъектность «варваров» была величиной постоянной – всем было ясно, кто такие варвары, где они живут и откуда могут прийти, – то в рамках современной политической доктрины США и их союзников кандидаты на роль варваров определяются назначающим жестом, в зависимости от сиюминутных политических интересов правящих элит. Например, в 1997 году это были сербы. После 11 сентября 2001 года – Ирак, Ливия, Сирия. В 2014 году – Россия и этнические русские на Украине.

Борьба с «варварством» (и насаждение «демократии под ключ») ведётся с помощью постановочных «революций». Тот факт, что при этом на смену умеренно авторитарным и просвещённым режимам приходят фундаменталисты в ли-

це салафитов, «братьев-мусульман», а на смену коррумпированному правительству в Киеве – другое, не менее коррумпированное, но при этом вдобавок исповедующее неонацизм, никого особенно не волнует. Главное не результат, а участие. И если факты не соответствуют теории, тем хуже для фактов. Все эти процессы указывают на обращение западных элит к новым формам неокOLONиализма – таким, которые были абсолютно невозможны в период противостояния «двух систем». Следовательно, именно здесь проходит линия кардинального отличия неолиберализма от коммунизма при их общей склонности к авторитарным методам.

До XX века идеология европейского колониализма оформлялась в сугубо романтических терминах и выражениях вроде «бремени белого человека» или «необходимости цивилизовать дикарей». Этот лексикон устарел именно тогда, когда набрал силу марксизм. Под влиянием марксизма такие явления, как мировое неравенство и мировая зависимость, были впервые описаны на языке политэкономии. Во времена холодной войны как советская, так и американская пропаганда говорили о противостоянии двух социально-политических «систем», а не «двух культур» или «двух цивилизаций». Это не случайно. Само существование политической альтернативы, пусть даже призрачной (советской), вынуждало использовать более или менее «приличный», сублимированный язык. Но после распада советского блока либеральный мейнстрим вновь возвращается к доктрине от-

крытого, а не экономически замаскированного колониализма.

И вот уже на повестке дня проблема «противостояния цивилизаций», поставленная Самюэлем Хантингтоном. Этот терминологический поворот не был случайным. Он означал, что приличия наконец отброшены и концепция «глобального доминирования» делает шаг назад, во времена Британской Ост-Индской компании. Только политическую риторику времён империи, над которой никогда не заходит солнце, пришлось перевести на язык политических понятий XXI века. Эта стилистическая метаморфоза в политике стала одной из примет рубежа веков.

После вступления в силу нового языка можно было смело говорить об ужесточении и архаизации семантики либерального дискурса. Ведь отсюда уже полшага до идей культурной исключительности и биологического превосходства. Мировое социальное неравенство вновь оправдывается культур-расистскими доктринами, и замена понятия «культурная неполноценность» на «несоответствие демократическим стандартам» вряд ли способна обмануть. Эвфемизмы – продукт языка, а не политической реальности. При этом новые политические реалии выстраивались вровень с новым языком. Для свержения светских «диктаторов» на Ближнем Востоке (на самом деле умеренно авторитарных лидеров, вполне типичных для этого региона) были использованы самые дремучие, фундаменталистские силы. Так, за аме-

риканские интересы против Башара Асада в Сирии воевала прежде враждебная американскому политикуму «Аль-Каида», а на Украине была сделана ставка на этническую войну и геноцид этнических русских, которые проводят потомки бандеровцев и УНА-УНСО.

Сравнение методов информационной войны коммунизма и неолиберализма также не в пользу последнего. Информационная диктатура опаснее прежнего идеологического диктатора, инфократия опаснее идеократии. Она полностью снимает с себя ответственность за последствия своих действий и расхождение с реальностью. В отличие от коммунизма доктрина неолиберализма может себе позволить быть внутренне противоречивой. Например, апелляция к «общечеловеческим ценностям» как единой парадигме логически противоречит тезису о «плюрализме». Но кого интересует логика, если речь идёт о единственно верном учении, овладеть которым можно в крайне сжатые сроки, устанавливая нужный набор дефиниций в одном пакете с «актуальной информацией» по повестке дня.

Неолиберализм негласно сохраняет за собой право на внутренние противоречия, право на иммунитет против критики, право не «опускаться» до дискуссий – на том основании, что он якобы охватывает «всю полноту достижений человеческой мысли». Этот гностицизм во времена классического либерализма более или менее успешно вытеснялся за рамки теории: ограничителем служили остатки христиан-

ской морали. Сегодня он востребован. Отсюда и провозглашение «конца истории» Френсисом Фукуямой и его последователями.

Неудивительно, что неолиберальный политический универсализм имеет квазирелигиозный характер. Причём в форме императива: не «Верую, ибо абсурдно» [33, с. 1], а «Веруй, ибо абсурдно!» Иначе ты варвар и, по выражению Барака Обамы, стоишь «на неправильной стороне истории». Таким образом, неолиберализм использует квазирелигиозные основания и культур-расистские концепции, что в рамках доктрины марксизма-ленинизма было исключено. Такого рода культур-расистские установки нуждаются в легитимации и самооправдании, что возможно лишь при наличии бесспорного, непререкаемого основания. Для этого нужен «неполноценный» противник, на которого не распространяются принципы добра и зла. Недочеловек, *der Untermensch*.

Например, на Украине роль «унтерменшей» играют этнические русские Востока, которых американские ставленники в Киеве сравнивают с насекомыми («колорадами») и устами журналистов требуют уменьшить их «поголовье». Так, журналист Богдан Буткевич в прямом эфире украинского *hromadske. tv* открыто заявил: «Донбасс – это депрессивный регион. Там просто дикое количество ненужных людей. В Донецкой области примерно 4 млн человек, и не менее 1,5 млн там просто лишних людей... Я не знаю рецепта, как это сделать быстро, однако наиглавнейшее, что нуж-

но сделать: есть люди, которых нужно просто убить». Ранее Юлия Тимошенко предлагала «расстрелять 8 млн русских из атомного оружия». Такие высказывания не только норма для украинских СМИ, они давно стали руководством к действию для украинской армии – разрушению жилых кварталов посредством бомбардировок и обстрелов из РСЗО. Но европейские и американские официальные лица полностью одобряют эту практику и даже благодарят украинские власти за «умеренное применение насилия» (Джен Псаки).

Почему это происходит?

Потребность в легитимации экспансионистских целей с неизбежностью приводит неолиберализм к конструированию вспомогательной доктрины абсолютного зла, которая автоматически избавляет от лишних моральных рефлексий. Эта апелляция к «абсолютному злу», «оси зла» и т. п. изначально неморальна, она чем-то сродни настроениям эпохи инквизиции и религиозных войн («бейте всех, Бог узнает своих»), но гораздо откровеннее. В основе такого понимания зла лежит не христианский, а неоязыческий взгляд. Вполне очевидно, что исторически данная матрица сознания присуща фашистским режимам; свидетельство тому легко найти на страницах гитлеровской «Mein Kampf» и небезызвестной брошюры «Унтерменш». Вселенское зло призвано заслонить зло ежедневное, связанное с действиями конкретных людей, при этом его присутствие можно лишь постулировать, но не доказать. Это признак квазирелигиозного сознания, харак-

терного для членов тоталитарных сект.

Таким образом, анализ современного неолиберального дискурса показывает, что у последнего куда больше общего с фашизмом нежели с коммунистической доктриной. И эта общность имеет глубинную связь, проходя через всю европейскую историю.

Этническое в современной политике: опасности неонацизма

Российское общество переживает процесс болезненного прозрения. Оно ещё не знает, что ему делать с открывшимися в последние месяцы фактом: мы живём бок о бок с откровенно нацистским государством, чей идеологический вектор имеет резкую антироссийскую и антирусскую направленность. Заявления киевских политиков о том, что области с русским населением должны быть либо украинскими, либо безлюдными, а «кацапов надо расстреливать из атомного оружия» (запись телефонного разговора Юлии Тимошенко и Нестора Шуфрича), давно не являются только заявлениями. Они активно воплощаются в жизнь: с помощью обстрелов из «Градов», кассетных бомб, расстрельных списков, закрытия коридоров для беженцев.

Как справедливо пишет политолог Дмитрий Бабич, «этот нацизм часто обходится без свастики и без прославляющих Гитлера салютов: современный украинский нацизм бывает прилизан и начитан, он любит щегольнуть цитатой из Черчилля, Гавела и даже Варлама Шаламова, в кармане у него часто имеется диплом европейского вуза с приглашениями на кучу конференций – варшавских, лондонских, берлинских. Этот нацизм бывает... интеллигентен и либерален. Нацизм либеральной выделки? Это кажется оксюмороном, но

это так: современных украинских нацистов привели к власти западные и отечественные либералы» [26].

Говоря о восстании и ополченцах Юго-Востока, эксперты утверждают, что идёт война между фашистами и антифашистами. Это правда, но далеко не вся. В действительности мы наблюдаем начальную фазу этнической войны. Идёт зачистка территории. Очень немногие в России осознали, что конфликт Киева и Юго-Востока предполагает – как бы ни хотелось перестать об этом думать – конфликт между украинцами (в союзе с США) и русскими, а не только между фашистами и антифашистами. Украинцы осознают этот факт гораздо лучше нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.